

УДК 159.923.075

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АСПЕКТЕ

Е.Л. Бокуть, А.Л. Рассказова

Московский городской педагогический университет

Анализируется происхождение, развитие и становление проблемы идентичности, традиция исследования этого феномена в философии, психологии и социологии с позиций зарубежных и отечественных исследовательских традиций. Подчеркивается, что идентичность – не состояние, а процесс внутренней стабилизации своего «Я» в контексте изменяющейся реальности. Рассматриваются основные проблемы идентичности подростков в аспекте социокультурных и политических трансформаций в современном социальном пространстве.

***Ключевые слова:** самость, «индивидуация», идентичность всеобщего, персонализация, политика идентичности, неосознаваемая и осознаваемая идентичность.*

Этимология понятия «идентичность» от латинских «idem» и «ipse» предполагает терминологическую раздвоенность: с одной стороны, «idem», «идентичный», означает тождественность, одинаковость, неизменность, то есть способность в разных обстоятельствах и ситуациях оставаться самим собой («в высшей степени сходного», «аналогичного», «того же самого», «неизменного во времени»). С другой стороны, «ipse» – «идентичный» – связан с понятием «самости» («ipseite»), «себя самого», то есть изначально предполагает изменчивость во времени, самодвижение, развитие. По мнению исследователей, семантический плюрализм породил несколько междисциплинарных подходов (философия, социология, психология и антропология) и несколько направлений в рамках одной научной дисциплины в исследовании данного феномена. В настоящее время исследовательский интерес к данной проблематике себя не исчерпал и прослеживается в работах современных представителей зарубежной и отечественной философии, психологии и социологии, предпринимающих попытки в рамках своего предметного поля институализировать данное понятие. Происхождение, развитие и становление проблемы идентичности от первых робких шагов до самостоятельных научных школ прослеживается в трудах классиков и современников отечественной и зарубежной мысли: У. Джеймса, Ч. Кули, Г. Мида, Р. Бернса, А. Тешфела, Дж. Тернера, Э. Фромма, З. Фрейда, К. Юнга, Ж. Пиаже, А. Маслоу, Э. Эриксона, Г. Олпорта, К. Роджерса, Х. Салливена, Ю. Хабермаса, Дж. Марсия, В. Хесле, К. Хорни, А. Гидденса, С. Кьеркегора, В. Дильтея, Д. Рисмена, Ж. Делеза,

Ж. Деррида, Ф. Гваттари, К.А. Абульхановой-Славской, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, О.Г. Дробницкого, Э.В. Ильенкова, И.С. Кона, Г.М. Андреевой, Б.Ф. Поршнева, С.Л. Рубинштейна, Л.В. Сохань, А.Г. Спиркина, Д.Б. Эльконина, В.Я. Ядова и др.

Становление проблематики идентичности и широкое использование этого термина относится к середине XX в. в рамках экзистенциально ориентированных философско-антропологических исследований, поднимавших вопросы духовной разобщенности, потери целостности, «утраты смысла человеческого существования в условиях индустриально-бюрократического общества массового потребления» [7, с. 184]. Экзистенциалисты утверждали: «чисто научный и технический прогресс не в силах сам по себе способствовать установлению между людьми согласия, без которого невозможно никакое счастье» [5, с. 344]. Философская традиция исследования идентичности строится на соотношении личности и общества, утверждая примат личности, который «сохраняется и удерживается только в превращениях и метаморфозах индивидуального существования». В противном случае возникает давление «Мы», или «идентичности всеобщего». Ю. Хабермас пытался осмыслить идентичность как постоянное отстаивание своей индивидуальности в сложноорганизованной системе социальных взаимодействий. Э. Фромм обращается к проблеме идентичности в книге «Бегство от свободы», используя категорию «персональная идентичность» как результат обособления от других людей, одновременно провозглашая «одной из ведущих человеческих потребностей, составляющей самую сущность человеческого бытия» [11, с. 26], потребность избежать одиночества, единения со всем человечеством путем принятия массовых ценностей, массовой культуры, «отказом от своего я», обезличивания, бездуховности, утраты индивидуальности, то есть достижения «социальной идентичности» путем «деперсонализации».

В философии постмодернизма в центре внимания проблема беспомощности, одиночества, расщепленности сознания и ощущение утраты человечеством своей целостности. М. Фуко отрицает идентичность как «фиксированную» внутреннюю сущность, отстаивая идею изменчивости и непостоянства человеческого «Я» в процессе социальных взаимодействий. Концепции постмодернизма наносят серьезный урон человеку как уникальной сущности, реализующей себя в пространстве и времени: «ризомная» идентичность Ж. Бодрийера, «номадическая идентичность» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, которая неотделима от влияния социальной среды и характеризуется свойствами детерриторизации и ризомности [3, с. 672]. Проблема «отчуждения» от собственного «Я» и достижения «групповой идентичности» имела большой резонанс благодаря выходу в 50-е гг. книги социолога

Д. Рисмена «Одинокая толпа». Патологические процессы распада личности, невротические проявления человека индустриального общества актуализировали проблему сохранения целостности личности, разрешения внутренних противоречий и конфликтов, освобождения от чувства вины, неудовлетворенности, страха, подавленности и безысходности для высвобождения творческого начала, стремления реализовать свой потенциал. Сублимация бессознательных импульсов, освобождение от невротических проявлений, страха и тревоги, сохранение биолого-психического равновесия «Я» – главная цель человеческого бытия – реализовались в психотерапевтической концепции З. Фрейда. Последователи З. Фрейда посчитали такой подход развития личности очень узким, односторонним и замкнутым на самого себя.

К.Г. Юнг, А. Адлер и К. Хорни подчеркивали значимость социального контекста, в котором развивается личность. С точки зрения К.Г. Юнга, для человека важно обретение «индивидуации», то есть обретение самого себя как уникальной сущности в системе коллективной, массовой психологии. Цель индивидуации – обретение «самости». «Самость», с точки зрения Юнга, – это цель любой человеческой жизни, это личность, представленная во всей полноте своих морально-этических качеств, эстетических пристрастий, нравственных ценностей. По мнению А. Адлера, цель человеческой жизни – достижение совершенства.

К. Хорни писала о стремлении человека к самореализации, которая, по мнению автора, заложена в самой природе человека. Г. Салливен, разделяющий мнение коллег о социальной сущности человеческой природы, тем не менее придерживался диаметрально противоположных взглядов относительно «самости», считая «самость» защитным механизмом личности, создающим иллюзорную реальность цельности своего «Я» в условиях всеобщей деиндивидуализации и деперсонализации. Попытка последователей З. Фрейда рассматривать развитие личности как процесс воплощения отношений «Я» и «общество», осталась отчасти неразрешенной, поскольку реализация потенциала личности была поставлена в рамках классического психоанализа, где акцентируется интерес к субъективному индивидуальному опыту как единственно достоверному. Отчасти две точки зрения на проблему идентичности (философскую и психологическую) примирил У. Джеймс, сосредоточив исследовательский интерес на двух аспектах идентичности: личном и социальном, где личная идентичность есть совокупность физических, нравственных, ценностных, интеллектуальных черт, а социальная идентичность – самопредставление в терминах соотнесения себя с определенной социальной группой. Идея двухаспектности идентичности получила прочное обоснование в творчестве Ч. Кули (теория зеркального

«Я»), Дж.Г. Мида (становление личности во взаимодействии с другими), Э. Эриксона (психосоциальное развитие личности). Представители отечественной (советской) философской и психологической мысли (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Г.М. Андреева, А.Н. Леонтьев, В.С. Мерлин, Э.В. Ильенкова, Б.Ф. Поршнев, С.Л. Рубинштейн, Е.И. Головаха, А.А. Кроник) подчеркивали приоритет и значимость социальной идентичности в аспекте развития личности, опираясь на теоретические выкладки К. Маркса об уподоблении себя общественным институтам и Л.С. Выготского об общественно-историческом происхождении психики человека. Следовательно, категория «идентичность» (которая в трудах отечественных исследователей практически не упоминается) вырастает из социально-психологических исследований идентификации как процесс соотнесения, вставания, уподобления и отождествления себя с определенной группой людей. В соответствии с этой доктриной большой общественный резонанс получили работы А.С. Макаренко (психология коллектива), А.В. Петровского (теория групповой сплоченности), концепция личности К.К. Платонова, теория диспозиций личности В.Я. Ядова и т. д.

В русле отечественных разработок исследования личности большой популярностью у нас в стране стала пользоваться концепция Э. Эриксона как наиболее «социологическая», воплотившая в себе лучшие образцы отечественного мышления в области взаимоотношений личности и общества. В своей концепции Эриксон опирается на традиционный классический психоанализ и свой опыт клинического анализа расщепленности и непостоянства «Я» при различного рода психических патологиях, вследствие чего «Я» становится механизмом нейтрализации тревоги и разрешения конфликтов между двумя противоположно направленными тенденциями. Однако «Я», по мысли автора, обладает собственной динамикой развития, автономностью, непрерывностью, самотождественностью, внутренней определенностью, полноценностью. У Эриксона «Я» – символ, знак идентичности, внутреннее ядро личности. Сформированная идентичность – залог успешной адаптации человека в социуме. Для Эриксона было важно утверждение, что его личная идентичность, являющаяся результатом и обобщением жизненного опыта, интернализацией социального опыта, является значимой для данной культуры и, следовательно, важным структурным компонентом групповой идентичности. Человек остается идентичным или тождественным самому себе, если при изменении жизненных обстоятельств или ситуаций он остается верен себе, при этом ориентируясь в действиях и оценках на собственные нормы и ценности, выведенные им самим, но обладающие общечеловеческой широтой и универсальностью. Э. Эриксон постулировал также кризис идентичности, который, по словам К. Леви-Строса, станет новой бедой века, и

прогнозировал превращение проблемы идентичности «из социально-психологической и философской в междисциплинарную» [1, 242].

Чувство эго-идентичности можно считать сформированным, если человек имеет внутреннюю уверенность и определенность в направлении своего жизненного пути. Самый острый и типовой кризис идентичности – это пора юности. Эриксон впервые создает модель идентичности, основанную на взаимовлиянии компонентов личности и социума. Не противопоставляя личную и социальную идентичности, автор показывает, что личная идентичность – процесс интеграции и внутренней солидарности человека с группой. Более того, это процесс «вращения» человека в определенную культурную среду. Вследствие этого возникает понимание, что его персональная идентичность значима для данной культуры, то есть «уверенность в том, что в поисках важных индивидуальных целей индивид может оказывать позитивное влияние на общество» [12, с. 227].

Несмотря на то что Э. Эриксон постулировал свою теорию как неофрейдизм, он, по сути, являлся *большим* еретиком психоанализа, чем А. Адлер и К.Г. Юнг. Уже во время обучения психоанализу Эриксон понял, что «фрейдовская картина человека неполна, поскольку в ней доминирует то, что лежит внутри и внизу, но игнорируется то, что соотносится с миром вовне, что ведет человека вперед и вверх» [9, с. 22.]. Несмотря на широту и многоаспектность поставленных задач, последователи Эриксона считали его концепцию идентичности слишком теоретизированной, обобщенной и совершенно непригодной для практического применения.

Дальнейшее изучение проблематики идентичности велось в рамках теорий символического интеракционизма и когнитивной психологии. В символическом интеракционизме получили дальнейшее развитие концепции У. Джеймса и Дж.Г. Мида. Дж.Г. Мид показал, что общество определяет идентичность каждого человека, диктуя нормы, правила, задавая нравственные ценности, но и человек не остается пассивным к нормам и требованиям общества, самостоятельно решая, каким нормам и правилам следовать, выделяя при этом осознаваемую и неосознаваемую идентичность. Неосознаваемая идентичность предполагает «слепое» и некритичное принятие норм, правил и ценностей, предлагаемых обществом. Осознаваемая идентичность базируется на правилах и предписаниях, выработанных самим человеком благодаря размышлениям и рефлексии собственного социального поведения. Последователи Дж. Мида (Л. Краппман, Э. Гоффман, Г. Горфинкель) систематизировали, обобщили и успешно интерпретировали теорию своего учителя, разработав концепцию владения пространством и временем (политика идентичности) с помощью техник, позволяющих справляться с критическими

ситуациями. Развивая идею Э. Эриксона о формировании базового доверия как основы онтологической безопасности, Л. Краппман, Э. Гоффман и Г. Горфинкель исследовали, *как* базовое доверие помогает развивать успешные стратегии взаимодействия с окружающим миром в условиях пространственной и временной неопределенности.

В рамках когнитивной психологии ведущим теоретиком в области исследования идентичности был А. Тешфел, который ввел в оборот понятие «категоризация» как феномен осмысления себя в различных социальных группах с целью интеграции группового опыта. Противопоставляя личную и групповую идентичность как крайние полюсы некоторого континуума, на одном полюсе которого локализованы формы межличностного взаимодействия, которые полностью обусловлены индивидуальными характеристиками участников, а на другом – взаимодействие людей как представителей определенных общностей, каждый из которых наделен спектром социальных ролей.

Дж. Тернер, последователь А. Тешфела, в рамках своей теории самокатегоризации обосновывал существование антагонистических противоречий между полюсами идентичности. Таким образом, актуализация личностной идентичности подавляет социальную, уменьшая количество ролевых проявлений, и наоборот, актуализация социальной идентичности ведет к подавлению свободной личности и порождает феномены группового давления. В то же время концепция противопоставления личной и социальной идентичности критикуется рядом авторов. Например, Г. Бриквелл высказывает предположение, что личная и социальная идентичности являются двумя полюсами одного процесса развития личности. Большой интерес представляет концепция британского социолога А. Гидденса, в которой автор предлагает структуру идентичности как двухполюсный континуум – с одной стороны, абсолютное приспособленчество (конформизм), с другой, замкнутость на себя. В пространстве между полюсами расположены различные уровни развития структуры идентичности. В последнее время тематика идентичности стала особенно популярной в России в связи с проблемой кризиса идентичности в современных неопределенных (переходных) условиях. Нельзя забывать, что формирование идентичности по Э. Эриксону происходит в рамках вполне определенных возрастных этапов, а именно юности (12–13, 19–20 лет). Центральная задача этих периодов – собрать воедино ответы о себе самом в стройную, цельную, непротиворечивую систему знаний и, следовательно, сформулировать свои возможности, цели, ценности, научиться планировать, видеть перспективы, ставить перед собой решаемые задачи, «ладить со временем», существовать в различных социальных группах, принимать окружающий мир и себя в окружающем мире. Это позитивный полюс идентичности. Неспособность четко

определить свои цели, ценности, перспективы развития, неуверенность, непостоянство, отрицание своей способности справляться с ситуациями выбора приводят к трудностям в профессиональном, полоролевом, этническом самоопределении, то есть, по мысли Э. Эриксона, к диффузии идентичности, ролевому смешению или негативной идентичности.

Американский психоаналитик А. Ватерман выделяет четыре значимые категории для формирования идентичности: выбор профессии, принятие и переоценка моральных убеждений, выработка политических взглядов, принятие набора социальных ролей.

Интересной с точки зрения осмысления структурных компонентов подростковой идентичности является концепция Дж. Марсиа [13, с. 164], предположившего, что тот или иной вид идентичности выражает себя через наблюдаемые способы «решения проблем». При этом он выделяет реализованную идентичность, мораторий как критический период формирования подростковой идентичности, диффузию идентичности и предрешение. Модель формирования идентичности, предложенная Дж. Марсиа, выделяет центральную линию развития собственной идентичности, которая является основным завоеванием подросткового возраста: «Идентичность, которая в конце детства становится важнейшим противовесом потенциально вредному господству детского «Сверх-Я», позволяет индивиду освободиться от чрезмерного самоосуждения и диффузной ненависти к инородному. Эта свобода – одна из предпосылок, позволяющая «Я» интегрировать зрелую сексуальность, новые физические силы и задачи взрослого человека» [8, с. 214].

Заслуживает пристального внимания концепция развития личности подростка, предложенная Р. Хевигхерстом [6, с. 44]. Автор предполагает, что задачи развития подростка на этапе формирования идентичности состоят в выработке тех качеств, которые позволят индивиду осознавать свою личную идентичность и соответствовать общественным запросам. В частности, Р. Хевигхерст выделяет восемь основополагающих проблем, которые должны быть решены в подростковом возрасте: 1. Принятие своей внешности и умение эффективно владеть своим телом. 2. Формирование новых и более зрелых отношений со сверстниками обоего пола. 3. Принятие мужской и женской социальной роли. 4. Достижение эмоциональной независимости от родителей и других взрослых. 5. Подготовка к трудовой деятельности, которая могла бы обеспечить экономическую независимость. 6. Подготовка к вступлению в брак и семейной жизни. 7. Появление желания нести социальную ответственность и развитие соответствующего поведения. 8. Формирование собственной идеологии.

Заслуга автора данной концепции в четком определении тех процессов развития, внутри которых и формируется идентичность:

биологического, социального и «Эго». Причем «Эго» выполняет функцию интегратора в тех случаях, когда биологическим или социальным процессам наносится ущерб. «Эго»-процесс – организующий и стабилизирующий принцип, с помощью которого индивид жизнеутверждает свою идентичность.

В транзактном анализе (Э. Берн) проблема достижения личностью идентичности прямо не ставится, но подчеркивается, что формирование жизненного сценария взрослым компонентом эго достигается путем освобождения от родительских предписаний и запретов.

В современном мире, где понятия расплывчаты, имманентны, сложно придерживаться однополюсных тенденций, четких умозрительных конструкций, «невозможно рассматривать себя в терминах статической или стабильной идентичности как неизменное целое, достигнутое раз и навсегда» [2, с. 93]. Следовательно, идентичность не состояние, а процесс изменения своего «Я» в контексте изменяющейся реальности.

Свобода, достоинство и возможность личностного саморазвития в современном мире приобретают характер либо недостижимых нравственных ценностей и идеалов, либо рассматриваются как ненужный «исторический хлам». Отсутствие нравственных ориентиров, кризис духовных ценностей, семьи и семейных отношений, политической системы, мракобесие и засилье непрофессионалов во всех сферах народного хозяйства, нечистоплотность государственных чиновников и правящей элиты – все эти аспекты обуславливают формирование дезадаптированной и дезинтегрированной личности подростка.

Кроме того, социально-экономические условия существования российских семей не дают возможности институту семьи реализовать свои функции, что приводит к деформации семьи и семейных отношений. В этом случае на первый план выходит функция обеспечения хотя бы минимального материального благосостояния семьи и детей, воспитательная и коммуникативная функции отодвигаются на второй план.

Формирование чувства взрослости приводит к настойчивой потребности в самоуважении, которая является важной составляющей идентичности подростка. Неудовлетворенная потребность в самоуважении (сопровождающая российского гражданина на протяжении всей жизни) порождает неуверенность в себе, слабость, униженность, безволие, отсутствие стремления добиваться намеченных целей. В этом случае запускаются компенсаторные и защитные механизмы: агрессия как стремление защитить свое «Я» или апатия как форма существования в окружающем мире.

Достижения научно-технического прогресса привели к совершенно противоположному процессу усложнения социально-культурной действительности, где стирается грань между реальностью и фантазией, а на первый план выходит иллюзорная реальность, которая

замещает реальные процессы действительности. Сложность жизненных задач компенсирует иллюзия жизни, которая продуцирует образ «другого» – свободного, раскрепощенного, нерационального магического существа, обладающего особой притягательностью для идентификации. Социокультурные и политические трансформации в современном социальном пространстве происходят настолько быстро и необратимо, что нельзя сказать, является ли человек продуктом этой измененной реальности либо сам воплощает эту измененную реальность в иллюзорности и искусственности самого бытия, где человек не работает, а создает иллюзию работы, не творит, а создает иллюзию творчества, не учит и не лечит, а воспроизводит деятельность, симулирующую настоящую жизнь. Подмена реальной жизни прототипами (симулякрами) происходит в социальных сетях, где человек «неочеловечен», лишен реальных атрибутов человеческого существования, где адресат неизвестен и информация предназначена кому-нибудь, заранее неизвестному. В этом пространстве процветает действие, а не взаимодействие, здесь не ощущается вкус реальной жизни, и «коммуницирование» настолько безопасно, что выхолащивает все реальные жизненные перипетии, заменяя их прототипами. «Проблема избыточной устойчивости «Я-концепций», которые в ситуации изменений становятся Я-иллюзиями (то есть феноменологически не отрефлексированными и динамически не освоенными формами опыта), в значительной мере обуславливают нерезультативность, неубедительность, неэффективность психологических и социальных практик, трудности в достижении успешной карьеры» [4, с. 80].

Г.В. Залевский и Э.В. Галажинский говорят о необходимости рационального понимания и разрешения проблемных ситуаций, подкрепленных «опытом экзистенциальных решений». Только на такой основе возможно достижение подлинной идентичности, в противном случае можно говорить о потере идентичности современным человеком.

Список литературы

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Социальная психология личности: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2001. 301с.
2. Бокуть Е.Л. Толерантность как необходимое качество личности молодежи в условиях мультикультурной среды // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сб. ст. науч.-практ. конф. (4–5 декабря 2017, Москва) / сост.: М.О. Мдивани, В.И. Панов, Ю.Г. Панюкова. М.: Перо, 2017. 541 с.
3. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Кн. 1. Анти-Эдип. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
4. Залевский Г.В., Галажинский Э.В. Профессионально-личностные особенности управленцев в образовании // Сибир. психол. журн. Вып. 11. 1999. С. 78–81.

5. Марсель Г.К. К трагической мудрости и за ее пределы // Самосознание европейской культуры XX века. Западная Европа и США. М.: Университетская книга, культурная инициатива, 2000. 640 с.
6. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Питер, 2000. 425 с.
7. Рассказова А.Л. Генезис и эволюция понятия «взаимоотношения» в философии // Успехи совр. науки и образования. 2017. № 4. Т. 6. С. 182–187.
8. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст (проблемы становления личности). М.: Мир, 1994. 320 с.
9. Руткевич А.М. Психоистория Э.Г. Эриксона // Эриксон Э.: «Молодой Лютер». М., 1996. 508 с.
10. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Изд-во МПСИ, 2007. 128 с.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.
12. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб.: Питер, 2017. 608 с.
13. Marcia J.E. Identity in adolescence // Adelson J. (ed.). Handbook of adolescent psychology. N.Y.: John Wiley. 1980. 845 p. P. 159–187.

CONCEPTUAL ISSUES OF IDENTITY IN THE CONTEMPORARY ASPECT

E.L. Bokut, A.L. Rasskazova

Moscow City Pedagogical University

The article analyzes the origin, development and formation of the identity problem, the tradition of studying this phenomenon in philosophy, psychology and sociology from the standpoint of foreign and domestic research traditions. It is emphasized that identity is not a state, but a process of internal stabilization of one's self in the context of a changing reality. The main problems of adolescent identity in the context of sociocultural and political transformations in contemporary social space are considered.

Keywords: *self, individuality, universal identity, personalization, identity politics, unconscious and conscious identity.*

Об авторах:

БОКУТЬ Елена Леонидовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (1292261, г. Москва, 1, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4), e-mail: bokut@list.ru

РАССКАЗОВА Алла Львовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и практической психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет» (1292261, г. Москва, 1, 2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4), e-mail: allarasskazova@mail.ru